

—

Ин Ю Шин отвернулся от стремительно обновляющихся комментариев «+999», закрыл страницу и, выключив телефон, из которого всё ещё доносились крики:

[Он правда тебя “хозяином” называет? Это что, какие-то БДСМ-игры? Как вы вообще начали встречаться?! Эй! Ин Ю Шин! Эй! Эй!], — тихо лёг на матрас.

Я ничего не знаю.

Ничего не видел.

Ничего не слышал.

Ничего не знаю.

Честно не знаю.

В ту ночь ему приснился кошмар: Хён Гю Ха на крыше подбрасывает его вниз, к парковке, словно на батуте.

— Фу... и надо же было такому присниться...

Он проснулся среди ночи, не выдержав. Может, потому что это был сон, но улыбка Хён Гю Ха там выглядела ещё страшнее. Он радостно смеялся и говорил: «Если бы ты меня не приручил, ничего бы этого не было», — подбрасывая его вверх, не обращая внимания на его крики.

Да...

Прямо как то лицо, которое сейчас белело в тёмном углу комнаты...

— Почему вы не берёте трубку?

— А-А-А-А-А!!!

Призрак! Грабитель! Впрочем, кто бы это ни был, он, всего лишь F-ранговый пробуждённый, был хрупок, как свеча на ветру.

Ин Ю Шин заорал и всем телом обхватил клетку с «Шестым».

— Если вы призрак, я не знаю, за что вы на меня злы, но всё равно во всём виноват! А если грабитель — забирайте все деньги!

— Ю Шин.

— У меня ребёнок, как грызун...

— Ю Шин, это я.

— Ему всего два года...

...Он замер с открытым ртом.

Это был Хён Гю Ха.

— Ох... охотник... Как вы здесь...? Я что, дверь не запер?

— Я снял входную дверь и вошёл.

— А...

Ин Ю Шин медленно повернул голову. За перегородкой, где виднелся вход, стало как-то пусто. И, кажется, оттуда даже поддувало.

— Дверь...

— Да. Полностью ломать было бы слишком по-воровски, поэтому я только петли выбил.

— Понятно...

Хотя результат, по сути, один и тот же, он только кивнул, не в силах спорить.

— Когда вы пришли?

— Часа два назад.

— А зачем...?

— Потому что вы не отвечали на мои звонки.

И правда — перед сном он выключил телефон. Он осторожно включил его снова. В темноте экран ярко загорелся. И на нём высветилось:

124 пропущенных вызова.

— ...

Там были звонки от друзей, включая Пак Сын Ги. Но почти все — от одного человека.

Он не знал, с каким выражением смотреть на человека, который позвонил ему больше сотни раз. Если показать, что ему страшно — вдруг придётся расплачиваться за эти 120 пропущенных?

В холодном свете экрана лицо Хён Гю Ха выглядело особенно мрачным.

— Я хотел позвонить пожелать спокойной ночи, а телефон был выключен. В тот момент у меня мелькнула мысль: «Может, он специально выключил, потому что не хочет меня видеть?» — и у меня было ощущение, будто мир рушится.

—

— Наверное, примерно так чувствуют себя брошенные собаки или кошки, когда понимают, что их оставили.

—

— Я был не в себе. Понимал, что телефон выключен, но всё равно продолжал звонить.

—

— Я вообще не мог мыслить рационально.

По спине Ин Ю Шина пробежал холодный пот.

Только сейчас он по-настоящему понял, насколько тяжело то, что он способен «приручать людей».

— Я даже решил, что если ты меня отвергнешь, то в таком мире нет смысла жить — и лучше просто устроить вспышку врат. И только потом вспомнил, что знаю, где ты живёшь. Когда пришёл — ты уже спал.

То есть, пока он спокойно спал, Сеул чуть не оказался на грани катастрофы.

— С... сейчас вам уже лучше?

— Это зависит от того, что вы ответите.

— Дело в том, что... я не специально не брал трубку! Меня просто друг замучил вопросами...

Он поспешно показал ему ссылку, которую прислал Сын Ги. В другой ситуации он бы сгорел от стыда, показывая такое, но сейчас было не до этого.

— Он начал расспрашивать, что у нас за отношения, и я просто выключил телефон.

Хён Гю Ха молча пролистал пост. Пока Ин Ю Шин убегал от реальности во сне, комментарии там уже взорвались.

— Понятно. Вполне убедительная причина. Вам, наверное, тоже было неловко.

Его лицо стало почти обычным, но напряжение в груди Ин Ю Шина никуда не делось.

— Я обязательно найду способ снять приручение.

— Я не особо на вас рассчитываю, но всё равно попробую поверить.

— Мне и сказать нечего... Но вам не неудобно из-за этих слухов? Тем более вы гетеросексуал, а теперь все думают, что вы встречаетесь с мужчиной...

— Если мы будем официально считаться парой, то мою навязчивость из-за тревоги разлуки никто не будет считать странной. Так что я только за. А с кем я встречаюсь — с мужчиной или с монстром — мой рейтинг от этого не упадёт.

Каждый раз, когда он произносил «тревога разлуки», сердце Ин Ю Шина болезненно сжималось. Казалось, будто от этого у него сокращается жизнь.

— Кстати, Ю Шин.

— Да?

— Хён Гю Ха.

— Да?

— Это моё имя. Сколько ты ещё будешь звать меня «охотник»?

— А... но вы старше, и мне неловко просто по имени...

— Конечно, нельзя. Я старше тебя на шесть лет.

—

Типично корейская иерархия заставила его замолчать.

— Может, будешь звать меня «хён»?

Неплохое обращение, но всё равно тяжело. Когда приручение снимется, они снова станут чужими. И тогда как он будет продолжать звать его «хён»?

— Можно я буду говорить «Гю Ха-си»?

— Как хозяину удобнее.

Так и решили — «Гю Ха-си». Ин Ю Шин тихо прокрутил это обращение на языке, чтобы привыкнуть и не ошибаться при других. Но, может, когда они вдвоём, можно будет говорить свободнее...

— Охотник...

— Гю Ха-си.

— ...Гю Ха-си, а вы сегодня что будете делать?

Он думал на ночь взять клетку с Шестым и пойти в мотель. Спать в доме с выломанной дверью было страшно. Да и красть у него всё равно нечего.

Но Хён Гю Ха провёл рукой по волосам, словно вопрос был совершенно очевидным.

— Я останусь здесь ночевать.

— Э... здесь? Но дверь же сломана...

— И что?

— Оттуда будет дуть...

— И что?

— И спать негде...

— И что?

— Ничего...

Он пожал плечами.

— Я должен стоять на страже, чтобы хозяин спокойно спал. Завтра утром позову знакомого, починит дверь.

— Хорошо...

Он так и не решился сказать, что собирался уйти в мотель.

— Но сначала...

Хён Гю Ха включил свет.

— Давай перекусим. Кажется, я проголодался — наверное, от облегчения, что меня не бросили.

Поздний ужин оказался классическим: курица и пиво. Он думал, что не голоден, но после пропущенного ужина и запаха жареной курицы у него сразу потекли слюнки.

Пока Ин Ю Шин разливал пиво за столом, который служил и письменным, и обеденным, Хён Гю Ха переложил все ножки и крылышки к нему.

— Гю Ха-си, вы не любите куриные ножки?

— Это моё самое любимое.

— Тогда почему...

— Самое вкусное должен есть хозяин. Я обойдусь сухим мясом.

<http://bllate.org/book/12408/1412863>